

КРИЗИС ПОЛИСА – КРИЗИС ЦЕННОСТЕЙ

На нескольких предыдущих страницах речь шла о событиях IV в. до н.э. В целом это было время не вполне обычное для греческого мира; его часто – и справедливо – называют эпохой кризиса классического полиса.

Как мы видели на протяжении книги, все основные элементы древнегреческого менталитета, картины мира, системы ценностей и представлений были обусловлены полисным типом социально-политической системы. И вполне закономерно, что, когда классический полис оказался ввергнут в общий кризис, это неизбежно повело к кризису и в духовной жизни общества.

Кризис классического полиса достиг всей полноты своих проявлений в течение IV в. до н.э. Но начался он в конце предыдущего столетия, в период Пелопоннесской войны. Многолетний и кровопролитный вооруженный конфликт стал мощнейшим катализатором разложения традиционных ценностей. Лучше, чем кто-либо, это описал современник и очевидец происходящего – великий афинский историк Фукидид. Некоторые страницы его труда просто-таки дышат гневом и горечью по поводу этического состояния греческих полисов.

«Сломленные несчастьем, люди, не зная, что им делать, теряли уважение к божеским и человеческим законам... В Афинах все больше начало распространяться беззаконие. Поступки, которые раньше совершались лишь тайком, теперь творились с бесстыдной откровенностью... Все ринулись к чувственным наслаждениям, полагая, что и жизнь и богатство одинаково преходящи. Жертвовать собою ради прекрасной цели никто уже не желал, так как не знал, не умрет ли прежде чем успеет достичь ее... Ни страх перед богами, ни закон человеческий не могли больше удержать людей от преступлений, так как они видели, что все погибает одинаково и поэтому безразлично, почитать ли богов или нет...»³³³.

«До такой неистовой жестокости дошла эта междоусобная борьба. Она произвела ужасное впечатление, особенно потому, что подобное ожесточение проявилось впервые... Вследствие внутренних раздоров на города обрушилось множество тяжких бедствий, которые, конечно, возникали и прежде и всегда будут в большей или меньшей степени возникать, пока человеческая природа останется неизменной, различаясь лишь по своему характеру в зависимости от обстоятельств. Действительно, во время мира и процветания как государство, так и частные лица в своих поступках руководятся лучшими мотивами, потому что не связаны условиями, лишаящими их свободы действий. Напротив, война, учитель насилия, лишив людей привычного жизненного уклада, соответственным образом настраивает помыслы и устремления большинства людей и в повседневной жизни... Изменилось даже привычное значение слов в оценке человеческих действий. Безрассудная отвага, например, считалась храбростью, готовой на жертвы ради друзей, благоразумная осмотрительность – замаскированной трусостью, умеренность – личиной малодушия, всестороннее обсуждение – совершенной бездеятельностью. Безудержная вспыльчивость признавалась подлинным достоинством мужа. Забота о безопасности была лишь благовидным предлогом, чтобы уклониться от действия. Человек, поносящий других и вечно всем недовольный, пользовался доверием, а его противник, напротив, вызывал подозрения. Удачливый и хитрый интриган считался проницательным, а распознавший заранее его планы – еще более ловким...»

Политические узы оказывались крепче кровных связей, потому что члены гетерий скорее шли очертя голову на любое опасное дело. Ведь подобные организации отнюдь не были направлены ко благу общества в рамках, установленных законами, но противозаконно служили лишь для распространения собственного влияния в своскорыстных целях. Взаимная верность таких людей поддерживалась не соблюдением божеских законов, а, скорее, была основана на совместном их попирании... Отомстить за обиду ставилось выше, чем избежать обиды. Взаимные клятвы, даваемые для примирения, обе стороны признавали лишь средством для того, чтобы выиграть время в трудном положении, и считали себя связанными ими лишь до тех пор, пока не соберутся с силами для новой борьбы...

Причина всех этих зол – жажда власти, коренящаяся в алчности и честолюбии. Отсюда проистекает и жгучая страсть к соперничеству, когда люди предаются спорам и раздорам. Действительно, у главарей обеих городских группировок (имеются в виду группировки демократическая и олигархическая – И.С.) на устах красивые слова: «равноправие для всех» или «умеренная аристократия». Они утверждают, что борются за благо государства, в действительности же ведут лишь борьбу между собой за господство. Всячески стараясь при этом одолеть друг друга, они совершали низкие преступления,

но в своей мстительности они заходили еще дальше, руководствуясь при этом не справедливостью или благом государства, а лишь выгодой той или иной группировки. Достигнув власти путем нечестного голосования или насилием, они готовы в каждый момент утолить свою ненависть к противникам. Благодетель и страх перед богами были лишь пустым звуком, и те, кто совершал под прикрытием громких фраз какие-либо бесчестные деяния, слыли даже более доблестными... Все были твердо убеждены лишь в том, что всеобщей безопасности нет и поэтому каждый должен заботиться о своей собственной безопасности и не доверять другим»³³⁴.

Тому же подрыву традиционного мировоззрения способствовали не только реалии военного времени, но и чисто интеллектуальный процесс – философское движение софистов, начавшееся несколько раньше Пелопоннесской войны, а в ее период достигшее апогея. Эти мыслители (Протагор, Горгий, Продик и др.) проповедовали релятивизм, субъективизм, скептицизм: учили, что все относительно, а абсолютной, общей для всех истины просто не существует. Деятельность софистов, имевших широкую популярность в образованных слоях общества, безусловно, разрушительным образом действовала на общепринятую шкалу ценностей. Под ее влиянием внедрялось скептическое отношение к религиозным верованиям, к законам и обычаям полиса. Каждый становился сам себе законом...

Все описанные здесь процессы после Пелопоннесской войны не исчезли, а продолжали развиваться, загоня полисный менталитет в тупик. Налицо, прежде всего, кризис коллективистских элементов мировоззрения, утрата гражданской солидарности. На смену общеполисным установкам пришли узкогрупповые; гораздо больше, чем раньше, стали значить интересы, а не ценности.

* * *

Однако означал ли упадок коллективизма, что больше простора появлялось для роста индивидуального, личностного начала? На первый взгляд, вроде бы так оно и есть. Однако стоит пристальнее всмотреться в греческий мир IV в. до н.э. – и становится заметно, что развитие действительно яркой, творческой личности тоже приостановилось. Достаточно сравнить видных политиков эпохи расцвета полиса и эпохи его кризиса. Греция V в. до н.э. породила целую плеяду выдающихся государственных деятелей – Мильтиада и Фемистокла, Аристиды и Кимона, Перикла и Алкивиада... А что можно сказать в данной связи о следующем столетии? Картина несравненно бледнее. Самый крупный из политиков этого времени, – несомненно, Демосфен. Но даже и для него сравнение с любым из вышеперечисленных лиц оказывается довольно-таки невыгодным.

Наступила «эпоха профессионалов», возросла специализация. Политик перестал быть универсальным знатоком всех аспектов своего ремесла. Если

Перикл был одновременно и выдающимся оратором, и опытным финансистом, и видным полководцем, то уже Демосфен, занимаясь чисто «штатской» деятельностью, не имел представления о тонкостях военного дела. А современные ему стратеги, напротив, не участвовали, как правило, в гражданской политике. Соответственно, их имена – Хабрий, Тимофей, Харет и др. – известны ныне только ученым.

Личность стала какой-то неполной. Ведь, как говаривал еще Козьма Прутков, узкий специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя. Усугублявшаяся профессионализация говорила о распаде некогда целостного мировосприятия.

Очевидно, диалектика полисной цивилизации, в которой сосуществовали и противоборствовали коллективистское и индивидуалистическое начала, веда к тому, что подрыв первого из этих начал ударял и по второму. Два «полюса» эллинского бытия не могли существовать один без другого.

В эпоху кризиса, когда идеал и реальная жизнь все сильнее отрывались друг от друга, появились разнообразные способы «бегства от действительности». Одним из таких способов стал уход в своеобразную корпорацию утонченных интеллектуалов – философскую школу. Такие школы, действовавшие на постоянной основе, впервые появились в Афинах именно в IV в. до н.э. Среди них – Академия Платона, Ликей Аристотеля и ряд второстепенных (киническая, гедонистическая школа и др.).

В одних из школ коллективистская, полисная проблематика уже начисто отбрасывалась; в их рамках разрабатывались только вопросы, связанные с индивидом и формами его поведения. Так, гедонисты во главе с Аристиппом признавали высшим благом удовольствие (греч. *гедоне*), оправдывали и возводили в абсолют стремление людей к наслаждениям. Кстати, это выглядит особенно парадоксальным в связи с тем, что Аристипп считал своим учителем Сократа – этого «босоногого мудреца», неприхотливого во всем и вовсе не жаждавшего чувственных утех. В данном смысле к его образу жизни значительно более приближались киники: Антисфен, тоже слушатель Сократа, и ученик Антисфена – скандально знаменитый Диоген, живший в большой глиняной бочке. Учение киников было прямо противоположным взглядам гедонистов: они, наоборот, призывали в чем только возможно ограничивать потребности, во всем обходиться минимумом возможного.

Название этой школы происходит от корня греческого слова, обозначающего собаку (вспомним о современной профессии «кинолог», в которой слышится тот же самый корень). Насколько можно судить, дело обстояло так. Критики Антисфена и Диогена осуждающе говорили им: «Живете как собаки – спите где попало, питаетесь чуть ли не отбросами...». А те с вызовом приняли обидное прозвище и стали сами себя так именовать.

Вообще киники порой уж слишком бравировали своим подчеркнутым презрением ко всем и всяческим общественным приличиям. Так, один из их видных представителей, Кратет, со своей женой Гиппархией, последовательницей того же учения, вполне могли заняться сексом на городской площади, на виду у сограждан. Не случайно впоследствии сам термин «киник» – в латинской транскрипции «циник» – получил совсем иной смысл.

Впрочем, в других философских школах (особенно в Академии и Ликее) общественно-политические темы оставались в центре исследований. Но изучали их скорее как самоцель, а не для применения к реальным ситуациям. Платон и Аристотель составляли утопические проекты идеального государства, которые не могли быть реализованы в тогдашних условиях. Да, пожалуй, такие проекты были и в принципе нереализуемы, и их авторы, скорее всего, это понимали. Платон в молодости еще ездил на Сицилию и пытался обратить тамошних тиранов в «идеальных правителей», которые бы по возможности воплощали в жизнь его программы. Но у него ничего не получилось, и под конец жизни он фактически замкнулся в стенах своей Академии. Аристотель, с одной стороны, тоже изложил свое видение идеального полиса, а с другой – близко общался с «сильными мира сего», в том числе с Александром Македонским. Но этому последнему философ предлагал для практического воплощения отнюдь не свои «идеальные» модели, а гораздо более оппортунистические решения.

Теоретическая мысль отделилась от практической политики. По отношению к современной им полисной демократии крупнейшие философы IV в. до н.э. занимали позицию неприятия, отвергали не какие-нибудь отдельные недостатки этой системы, а всю ее как целое. Для тех же Платона и Аристотеля демократия, безусловно, числится среди «неправильных», «искаженных», «отклоняющихся» форм правления. Платон ниже демократии ставит только тиранию; Аристотель менее строг и полагает, что олигархия тоже может быть хуже демократии. Но оба согласны в том, что значительно выше на шкале государственных устройств стоят легитимная монархия и аристократия («власть лучших» в нравственном смысле, в отличие от олигархии – «правления немногих» вне зависимости от моральных достоинств этих немногих).

В противовес полисному патриотизму в кругу некоторых философов родилось понятие космополитизма. Первым назвал себя *космополитом* («гражданином мира») тот же киник Диоген, действительно с легкостью перебиравшийся из города в город, поскольку он, в сущности, ни к чему не был привязан, не имея ни имущества, ни семьи, ни гражданства.

Другим способом «бегства от действительности», распространенным уже не в образованных слоях, а в «низах» общества, стало распространение нетрадиционных религиозных культов и идей. В этих новых верованиях

рационализм окончательно уступил место иррационализму и мистицизму, порой грубому. Среди простонародья процветали магия, колдовство. В греческий пантеон нашли дорогу ближневосточные боги (Адонис из Финикии, Бендида из Фракии и др.), почитание которых отличалось экстатическим, исступленным характером. Женщины, которых было особенно много среди приверженцев культов этих божеств, во время праздников в их честь рвали на себе одежду и волосы, до крови царапали ногтями щеки, издавали бесвязные вопли...

Начали уже встречаться совершенно чуждые классической греческой религии факты прижизненного обожествления людей – видных правителей и полководцев. Первый случай такого рода – божественные почести, которые многие греческие полисы оказывали спартанскому наварху Лисандру в начале IV в. до н.э. Этому мрачному, жестокому человеку при жизни воздвигали статуи, в его честь учреждали праздники, сочиняли гимны... Ничего подобного эллинский мир до того не знал. В эпоху Лисандра такое возвеличение конкретного индивида выглядело чем-то уникальным и беспрецедентным, а уже несколько десятилетий спустя, со времен Александра Македонского, стало нормой.

Расскажем здесь об одном любопытном эпизоде. После смерти Александра Македонского его полководцы (*диадохи*) несколько десятилетий воевали друг с другом за наследие покорителя полумира. В 307 г. до н.э. один из диадохов, Деметрий Полиоркет, вступил в Афины, отбив их у своего соперника Кассандра. Деметрий созвал народное собрание и объявил о восстановлении афинской демократии. Безусловно, в новых исторических условиях эта «возрожденная демократия» могла быть лишь фикцией реального народовластия.

Тем не менее афиняне в награду за свое «освобождение» оказали Деметрию невиданные почести. Официальным решением демоса его провозгласили живым богом. Для жительства ему определили Парфенон: ведь не может же бог поселиться в обычном доме или даже во дворце! В главном храме Афин Деметрий, отличавшийся свободой нравов, устраивал пьяные кутежи с гетерами. В его честь установили культ и празднества, учредили жрецов «бога Деметрия», обращались к нему с запросами по любому делу, как к оракулу... Невозможно даже и представить себе что-то подобное в эпоху расцвета полиса.

Вот фрагмент из гимна в честь Деметрия, написанного поэтом Гермоклом и распевавшегося афинянами:

О, здравствуй, отпрыск Посейдона мощного,
Здравствуй, сын Киприды!
Иные боги далеко находятся,

К ним мольбы напрасны,
И нет их здесь, не внемлет ни один из них,
Ты – стоишь пред нами
Не каменный, не деревянный, но живой!
Молимся мы тебе:
О милосерднейший, дай поскорей нам мир,
Всемогуц ты ныне!³³⁵

Налицо все признаки чистейшего низкопоклонства. Но при первом же поражении Деметрия в битве с врагами афиняне закрыли перед ним ворота и не пустили в город. «Проигравший бог», «бог-неудачник» был им не нужен. А еще через несколько лет македонскому полководцу удалось вновь усилиться и взять Афины. И опять ему были декретированы божественные почести...

Таким образом, на всех уровнях мировоззрения, от политической мысли до религии, проявлялись кризисные процессы. Они говорили о том, что полисный менталитет исчерпал себя вместе с полисной цивилизацией и теперь уступал место иной системе ценностей, характерной для мира эллинистических монархий.

ЭЛЛИНЫ И ВАРВАРЫ, ИЛИ «ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ»

Насколько можно судить, есть еще одна – не всегда замечаемая – причина кризиса древнегреческой цивилизации. На ней тоже необходимо остановиться, причем подойти к этому вопросу придется издалека.

В архаический период культура эллинов развивалась столь бурно и интенсивно не в последнюю очередь потому, что ей была свойственна большая открытость – способность впитывать в себя и творчески синтезировать достижения, сделанные другими народами. Но в какой-то момент всё изменилось.

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда...» Чеканные строки Редьярда Киплинга памяты, наверное, каждому. И все понимают, что противопоставление Запада и Востока проводится поэтом не в географическом, а в цивилизационном смысле. Перед нами – концепция, которая в настолько колоссальной степени определяла собой всю мировую историю на протяжении многих веков, что стала в результате одним из наиболее устойчивых архетипов картины мира, во всяком случае, европейского человека. Представление о «Западе» и «Востоке», находящиеся в извечной вражде, зачастую само уже кажется «извечным», существовавшим всегда. Однако же у этого представления есть конкретные время и место возникновения: V в. до н.э., Греция.

Хорошо известно, что для грека классического периода все люди четко делились на «эллинов» и «варваров», причем под последними понимались все не-греки, все остальные этносы мира, будь то финикийцы или египтяне, обладавшие высокой культурой (намного более древней, чем культура самих греков!) или же какие-нибудь скифы или фракийцы, которые еще даже не успели создать собственной государственности. Впрочем, чаще всего под «варварами» понимали все-таки народы Востока, что вполне естественно, поскольку контакты именно с этим регионом были у греческого мира особенно ранними и активными.